

М.В. Ахметова, М.Л. Лурье
(Москва, Санкт-Петербург)

БОЛОГОЕ: МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И СТОЛИЦЕЙ

Вероятно, большинство современных жителей России знает о существовании населенного пункта Бологое и представляет, что это железнодорожная станция на середине пути из Москвы в Санкт-Петербург. Можно также с большой долей вероятности предположить, что у этого знания есть вполне определенные источники. Впервые, герой одного из классических детских стихотворений С.Я. Маршак, «крассеянный с улицы Бассейной», думая, что едет на поезде из Ленинграда в сторону Москвы, интересуется у проходящих:

Это что за остановка –
Бологое или Поповка?

Во-вторых, существует довольно известный анекдот о поручике Ржевском, герои которого ведут следующий диалог:

«Наташа. Ах, как быстро ехать из Петербурга в Москву по железной дороге! Одна нога здесь, другая там!

Пьер. Как хотел бы я оказаться между этих ног!

Ржевский. Был я там, ничего интересного – дыра дырой. Бологое называется».

Наконец, третий и, по-видимому, основной источник общего представления о Бологом как о промежуточном и срединном между двумя столицами месте – заключительные строки припева из песни весьма популярного в восьмидесятые годы (да и поныне) ансамбля «Веселые ребята»:

Что за наваждение такое,
Я всё повторяю адрес твой,
Бологое, Бологое, Бологое –
Это где-то между Ленинградом и Москвой¹.

Нередко в текстах, обращенных к приезжим, прямо или неявно упоминаются процитированные выше песенные строки, сделавшиеся своего рода визитной карточкой Бологоро и бологовца. Приведем начало беседы одного из авторов настоящей статьи с продавщицей (запись ведется скрыто)²:

¹ «Бологое», музыка В. Добрынина, слова М. Рябинина, 1987 г.

² В статье используются материалы двух межвузовских экспедиций, проходивших в г. Бологое в январе и июне 2004 г.

«– Мы на самом деле впервые в Бологое приехали. А проезжали его сто раз в жизни.

– “Это где-то между Ленинградом и Москвой”.

– А эту песню здесь, наверное, все знают?

– Наверное. Мы, как бологовцы, гордимся ей».

Одна из экскурсий по экспозиции Бологовского городского музея, проведенных для участников экспедиции, открывалась следующими словами: «Бологое. “Бологое между Ленинградом и Москвой” – да, есть такая популярная песня. Между двумя столицами. Центральный железнодорожный узел».

Суждения и устные рассказы, записанные от жителей Бологоро, фрагменты стихотворений местных авторов, тексты краеведческих очерков и буклетов позволяют увидеть, что стереотипы самопрезентации базируются на той же основной позиции: положение города на середине железнодорожного пути между Москвой и Ленинградом/Петербургом. «Меж двух столиц», «Бологое – город на железной дороге»³ – типичные названия краеведческих изданий последнего десятилетия. Текст брошюры, выпущенной к 500-летию города, начинается следующим пассажем: «Октябрьская магистраль. Поезд, поезда, поезда... Товарные и пассажирские, почтовые и скорые с поэтическими названиями “Красная стрела”, “Северная Пальмира”, “Юность”. На отдельных участках пути между Москвой и Санкт-Петербургом они мчатся со скоростью 200 км в час <...> Мелькают названия станций и полустанков. А вот и середина пути – большая узловая станция Бологое, к которой вплотную примыкает город того же названия»⁴.

Однако если пойти дальше случаев простой констатации и проследить, каким образом интерпретируется описанная выше ключевая для «образа города» модель, то станет заметно, что направления этой интерпретации разнообразны и при этом вполне созвучны устойчивым для русской культуры мотивам (само)описания провинциальных локусов.

1. Между столицами: граница

Периферия, промежуточное пространство наделяется в культуре качеством «недоосвоенности»⁵, а значит, она потенциально может принять влияние как одной, так и другой зоны, между которыми рас-

³ Сычев В.В. Меж двух столиц: Стихотворения, графика, очерки. Тверь, 1998; Бологое – город на железной дороге: Буклет. Вышний Волочек, 2001.

⁴ Бологое 500 лет / Автор текста И.В. Багажова. Б. м., 1995. С. 1.

⁵ Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 17–38.

положена. Положение Бологого посередине между Петербургом и Москвой обусловило его специфический «пограничный» статус в культурной географии. Многочисленные тексты, в основном иронического характера, приписывают Бологому значение переходного пространства, в котором смешиваются или соседствуют знаки «московского» и «питерского». Основным, наиболее регулярным и устойчивым выражением идеи межстоличной рубежности Бологого являются распространенные как в устном, так и в сетевом фольклоре шутки, обыгрывающие различия московской и петербургской речи на уровне лексических экzemплификативов, которые сделались в последнее время популярным предметом обсуждения в молодежной среде. Наиболее распространена шутка о том, что посередине Бологого есть место, где *бордюр* плавно переходит в *поребрик*.

Другая группа текстов изображает Бологое как своего рода нейтральную зону, где встречаются представители двух столиц. В 1970–1980-е гг. ходили слухи, что писатели братья Стругацкие, один из которых в то время живет в Москве, а другой в Ленинграде, встречаются для работы над своими книгами в Бологом⁶. В 2004 г. участники интернет-форума «Infon.ru», среди которых есть и москвичи, и петербуржцы, обсуждают идею встретиться в Бологом⁷. В тексте, повествующем о разделе сфер издательского влияния между представителями питерской и московской контркультуры (и, очевидно, носящем пародийный характер), конкурирующие стороны подписывают «меморандум» в том же самом городе, обозначенном как *нейтральный*⁸.

Жители Бологого тоже осознают пограничность местоположения города. Это отражается, во-первых, в миграционном тексте⁹, во-вторых – в стратегиях самоидентификации. В разговорах о двух столицах обычно подчеркивается большее тяготение Бологого к Петербургу. Именно в Ленинград/Петербург, по их собственным словам, обычно уезжали и уезжают на заработки и на учебу жители Бологого, тогда как по московскому направлению в поисках работы редко отправляются дальше областного центра – Твери. Кстати, маргинальность Бо-

⁶ Правый фантаст // Независимая газета. 1999. 10 сентября; Юдкин В. Умножая печаль, мы умножаем надежду: [Интервью с Георгием Вайнером] // Вестник. 2000. № 3 (236).

⁷ Форум infon.ru: развлекательные услуги для мобильных телефонов // <http://clone2.infon.ru/theme.phtml?tid=127831>.

⁸ Чрезвычайная комиссия. Мифы и реалии контркультуры. Часть первая. Проект «Литпром» // <http://www.udaff.com/archive/dirty>.

⁹ Обоснование понятия *миграционный текст* см.: Разумова И.А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 5–21.

логого по отношению к столичным мегаполисам соотносится с двойственностью его областной самоидентификации: исторически село Бологое относилось к Валдайскому уезду Новгородской губернии, а впоследствии, уже в качестве города, Бологое стало центром самостоятельного района Калининской (Тверской) области.

В разговорах о достоинствах центральных городов предпочтение отдается чаще северной столице. Семиотически маркированным в этом контексте оказывается то, что расстояние от Бологого до Петербурга на несколько километров меньше, чем до Москвы: пространственные и аксиологические характеристики накладываются одна на другую. На наш вопрос, к какой столице ближе Бологое, одна из жительниц города ответила, что, скорее, к Петербургу; и далее последовал долгий монолог на тему, чем Петербург лучше Москвы, при этом центральным аргументом было обилие в северной столице музеев и общая «культурность».

Другая рассказчица сравнивает Петербург и Бологое, используя знаковый критерий бытовой «культурности» – способность подробно и любезно объяснить дорогу приезжему: «И в Ленинграде есть люди, чё не спросишь, они объяснят. Чего не скажешь. Это и у нас всякий бывает. Объяснят, и покажут, и расскажут, и у нас также. Ну, не знаю, если когда чё спрашиваю, мне всегда всё объясняют»¹⁰.

Ощущение рубежности, переходности собственного типа культуры вообще свойственно провинциальному мировосприятию. В этом смысле Бологое как город между двумя столицами, известный, в частности, тем, что в нем одновременно останавливаются поезда из Москвы и из Петербурга, оказывается как бы идеальным провинциальным локусом.

2. Между столицами: глубинка

Равноудаленность от двух центров может осмысляться как максимально возможная удаленность от каждого из них (по формуле «дальше середины в лес не зайдешь»). Таким образом, местоположение позволяет представлять город, а тем более «станцию» Бологое провинциальной *глубинкой* – со всеми возможными позитивными и негативными коннотациями соответствующего концепта.

Этот нюанс, кстати, также учтен авторами песни о Бологом: неопределенное местоимение *где-то* создает дополнительный ритмико-мелодический изгиб завершающей строки и, хотя пропеваается заметно тише остальных слов, не может остаться неслышанным.

¹⁰ Интервью с З.Н. Сухецкой, 1928 г. р., род. в Бологом.

Во «внешних» текстах о Бологом *глубинка* может обернуться *дырой*, приобретая непристойные смыслы – собственно, это и обыгрывается в пересказанном выше известном анекдоте про поручика Ржевского.

Не случайно именно Бологое становится прототипом станции с нарочито неблагозвучным названием *Волобое*, на которой вели политические споры герои недавно прекратившей свое существование передачи «Красная стрела» (по названию фирменного скорого поезда, следующего из Москвы в Петербург). Локус, географически и топонимически ассоциирующийся со знаменитой провинциальной «дырой» между двумя столицами, оказывается наиболее подходящим для воплощения геоадминистративной модели целой страны¹¹.

Мерцание значений *серединности/удаленности* по отношению к столицам определяет и самовосприятие некоторых бологовцев как жителей *глубинки*. Так, суждение «мы же как на середине между Ленинградом и Москвой» приводится жительницей Бологоего в качестве оправдания тому, что до города не доходят петербургские и московские музыкальные новинки¹².

Мотив *захолустности* города в суждениях жителей, по-видимому, поддерживается и представлением о типичности его судьбы для городов российской провинции. В связи с этим особенно показательно, что в цитируемом ниже тексте, как и в случае с *Волобое*, Бологое представлено *локусом*, репрезентативным в масштабах страны:

«– Захолустный городишко. Это раньше мало-мальски процветало, а теперь отделение Октябрьской дороги закрыли и всё. На глазах гибнет городишко.

– А когда Бологое процветало?

– В мою бытность оно никогда не процветало, как и вся Россия»¹³.

Переживший периоды процветания в предреволюционную и позднесоветскую эпохи, город после перестройки перестал быть «крупным железнодорожным узлом» в результате приватизации железной дороги и перевода управления в другое место (Вышний Волочек или Москву –

¹¹ О традиции использования соответствующих ойконимов, воплощающих идею *глубинки*, см.: Белоусов А.Ф. Символика *захолустья* (обозначение российского провинциального городка) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 475–476.

¹² Интервью с Р.В. Тишковой, 64 года, род. в д. Харитоньиха Валдайского р-на Новгородской обл., переехала в Бологое в возрасте одного года; закончила Ленинградское культурно-просветительское училище; работала экскурсоводом, пела в местном ансамбле при музыкальной школе «Родные напевы»; основатель и руководитель местного клуба фольклорной песни «Сударушка».

¹³ Интервью с В.Г. Доможировым, ок. 75 лет, род. в д. Сергиево Бологовского р-на, переехал в Бологое в 1947 г.; образование среднее специальное.

по разным версиям) – таково мнение многих пожилых бологовцев: «Теперь не узел, непонятно что Бологое»¹⁴.

Представление о глубинке и захолустье включает в себя и мотив пространственной удаленности, отграниченности от крупных городов и путей сообщения. Город, находящийся на крупной железнодорожной магистрали, едва ли может представляться затерянным, погруженным в природное пространство и отгороженным от культурного. Однако это компенсируется одной из постоянных характеристик здешнего ландшафта: Бологое окружено болотами. Образ болот позволяет представить окружающую Бологое местность и – метонимически – сам город, дающий этой местности имя, как глухое, опасное, буквально «гиблое» место. Это особенно хорошо заметно в рассказах о произошедшей в 1988 г. близ Бологого железнодорожной катастрофе, в которых постоянно возникает упоминание болота: «Там как раз в таком месте жидкость такая, топко. И осела»¹⁵; «Там такая местность, болотистая, не проехать»¹⁶; «Там болото, большое болото. Такое место низкое. Болотистое. Вот здесь вот произошла эта катастрофа <...> Даже это, мы доставали из этого болота людей. Трупы. Погибших. Много погибло людей, много...»¹⁷.

Позитивные коннотации Бологого как глубинки весьма традиционны для апологии провинции¹⁸ и связываются, во-первых, с сохранившимися лишь в провинции размеренностью жизни, патриархальным укладом, истинной духовностью и т.п. Ср.: «Но как добрая неистребимая привычка, как дань ушедшей патриархальности осталась еще такая “прошлая”, тихая и неспешная жизнь во многих домах бологовских обывателей». Во-вторых, удаленность города от крупных центров урбанизации позволяет ему сохранять связь с природой, оставаться как бы частью прекрасного валдайского ландшафта. Наиболее регулярная реализация этого мотива связана с образом озера и «озерного края»: город располагается вокруг живописного Бологовского озера, поэтому «городом озерной тишины можно назвать Бологое. Озеро – его душа,

¹⁴ Интервью с Тамарой Михайловной, 1936 г. р., род. в д. Книщины Вышневолоцкого р-на, переехала в Бологое в 1957 г.; образование среднее специальное, работала билетным кассиром до 1992 г., в настоящее время торгует семечками.

¹⁵ Интервью с женщиной, ок. 75 лет.

¹⁶ Интервью с В.Г. Доможировым.

¹⁷ Интервью с Тамарой Михайловной.

¹⁸ Анализ устойчивых «позитивных» и «негативных» характеристик провинции в современном массовом сознании см.: *Разумова И.А., Кулешов Е.В.* К феноменологии провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Матер. научной конференции. Тверь, 2001. С. 12–25.

его легенды и его история»¹⁹. Обилием в округе озер обычно мотивируется особая привлекательность здешних мест (очень распространенный мотив в экскурсионных, краеведческих и, шире, презентивных текстах) и, соответственно, обилие известных имен, связываемых с Бологим: «Александров вот, руководитель военного ансамбля, он здесь, в Бологое жил. Напротив здесь, вот. Дальше, здесь очень такие крупные ученые были. Рерих был <...> Вообще, Бологое – оно славится. Здесь прекрасные места, очень много... знаете, как говорят, – природа сама привела их сюда. Здесь, если на озера вам поехать, одно, второе, третье, четвертое. В нашем Бологовском районе пять огромных озер. Только вот здесь. Вот, это место привлекало всех»²⁰.

Образ города не отделяется от образа окружающего его природного пространства, элементы второго по умолчанию встраиваются в первый и так или иначе подверстываются к его провинциальным, «глубиночным» коннотациям. Показательно, что две наиболее распространенные этимологические версии напрямую связывают название города с двумя обозначенными выше полюсами природно-ландшафтной обусловленности образа Бологоро как глубинки/захолустья – благолепие местной природы и, наоборот, гиблость здешних мест. Приведем два ответа на вопрос «А слово *Бологое* откуда произошло?» из разговоров с жителями Бологоро: «Вы знаете, я вам точно не могу сказать, но как-то я ехал на экскурсию, мы ехали, на экскурсию. И нам экскурсовод сказал, что никто не может твердо сказать, от какого слова: то ли *благое* – хорошее место, то ли Бологое от болотного места, у нас тут кругом болота. Кругом болота. Дак вот, здесь вот одно из них – “болотное место” или “хорошее, благое место”»²¹; «Не случайно Бологое... Есть два значения названия. Первое – не Бологое было, а Благое. И Благое. Первое оттого, что благополучное, хорошее, доброе место. Благие намерения, благое. А второе благое – это дурное место, оттого, что в топких местах там погибали коровы, люди тонули»²².

3. Между столицами: центр

Наконец, располагаясь посередине между двумя столицами, город оказывается как бы в абсолютном центре административной кар-

¹⁹ Крылов Ю. Бологое – город железнодорожников: Пособие по краеведению для учащихся средних школ и ПТУ. Б. м., б. г. С. 3.

²⁰ Интервью с М.Н. Штеймелер, 84 лет, род. в Бологое; образование высшее, 42 года работала учителем истории.

²¹ Интервью с В.Г. Доможировым.

²² Интервью с Р.В. Тишковой.

ты страны. Эта идея в том или ином контексте нередко звучит в рассуждениях жителей города, в стихах о Бологом, в краеведческих изданиях и т. д., причем положение города между столицами обычно интерпретируется вкуче с его статусом железнодорожного центра. В стихотворении бологовской поэтессы О. Марковой железнодорожный узел «связывает» железные дороги всей страны:

Между Петербургом и Москвою
Есть на карте старый городок –
С песенным названием – Бологое,
Узел ста путей и ста тревог!
Со Всея Святой Руси сюда –
Едут-мчатся чудо-поезда...²³

В связи с той же железнодорожной топикой представление о Бологом-центре естественно приводит к появлению образа «сердца страны» как логического развития метафорического значения слова *артерия* – ‘путь сообщения, имеющий важное значение для страны’²⁴ (ср. клише *транспортная артерия*). Этот образ, в свою очередь, подерживается прежде всего сюжетом героической деятельности бологовских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны, когда город, именно в силу своего стратегического значения для снабжения фронтов и, в частности, для обороны Москвы, подвергался массированным бомбардировкам. Приведем отрывок из стихотворения, посвященного бологовскому подвигу:

Между Ленинградом и Москвою
Прервано движенье на пути,
Но как сердце бьется Бологое
Ни на шаг не может отойти.

И тогда решили уничтожить
Сердце то, послав воздушный смерч,
И бомбили асы из Люфтваффе,
Тоннами послав на землю смерть.

Улетали, сделав дело злое,
И писали рапорты в Берлин,
Что разгромлен узел Бологое,
И живым не встанет не один.

²³ Визитная карточка Бологое и Бологовского района // <http://bologoe.library.tver.ru/vizitka.htm>.

²⁴ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 59.

Но еще не смолкли взрывов звуки,
И еще не села наземь пыль,
Как сквозь эти ужасы и муки,
Встала жизнь, как сказочная быль.

Встала жизнь в лице простых рабочих,
Встали женщины, мужчины, старики,
Встали, взяв в израненные руки
Шпалы, рельсы, ломы, молотки.

Шли они голодные, худые,
Как на бой, на подвиг ратный шли,
Клади шпалы, рельсы боевые,
Чтобы поезда по ним пошли...²⁵

В приведенном отрывке речь идет о событиях середины марта 1943 г., когда проводилась специальная операция по уничтожению железнодорожного узла Бологое, в ходе которой за 11 суток было сброшено более 1800 бомб (больше половины от общего числа упавших на город бомб за весь период бомбардировок с июля 1941 по февраль 1944). Тогда же было перехвачено и неявно упоминаемое в цитируемых строках сообщение в Берлин, в котором сообщалось о полной ликвидации станций Бологое и Медведево. Стихотворение рисует вполне конкретные реалии, в нем нет ничего фактически неверного или случайного. Не очень понятным в контексте описываемых событий остается лишь указание «Между Ленинградом и Москвою Прервано движение на пути», и это делает еще более очевидным истинное назначение этих строчек: именно они, напоминая о местонахождении Бологое, мотивируют появляющуюся далее метафоризацию его как «сердца».

По рассказам, в период, когда столице всерьез угрожал враг, Бологое временно взяло на себя роль информационного центра страны, обеспечивающего все ее население сведениями о ходе войны: «Вот это я не знаю, слухи это или нет, я знаю, что одно время здесь у нас Левитан водил, то есть вёл сводки Совинформбюро, вот, особенно когда к Москве немец шел. Говорят, что у нас на Красной Горке есть такой вот дом, он и сейчас сохранился, там, по-моему, было детское отделение, сейчас психиатрическое отделение, лечат алкоголиков, каменное такое здание <...> И в этом здании, вот, находилась связь, вот, прави-

²⁵ Королев В.Г. Памятник // Новая жизнь (Бологое). 1998. 19 март. № 31.

тельственная. И вот Левитан, Юрий Левитан, сколько там, месяц или два, сколько, пока вот шли бои, от нас вёл, вот, сводки свои»²⁶.

Вообще, самоощущение центра страны (области, региона) характерно для многих провинциальных городов²⁷. Так, Старая Русса может представляться центром России²⁸, Пермь – центром (и одновременно окраиной) мира²⁹, центром России или центром Евразии³⁰, Екатеринбург – Третьей столицей России, Евразийской столицей (и одновременно – окраиной Европы и границей между ней и Азией)³¹ и т. д. Значительно менее распространенной, но не специфичной оказывается и модель «центра между двумя центрами»: в Переславле-Залесском нам удалось записать рассуждение, согласно которому этот город является «сердцем России», поскольку находится посередине («между Москвой и Ярославлем. 120 километров туда, 120 километров сюда», и «если бы судьба не повернулась бы, он бы был столицей»³²).

«Внешние» тексты, напротив, никогда не связывают идею Бологого как абсолютного центра с железнодорожным значением города-узла, апеллируя исключительно к его межстоличному месторасположению. В ряде интернет-форумов, когда речь заходит о переносе столицы в Петербург в связи с терактами в Москве или с несостоятельностью и коррупционностью московских чиновников, обычно кто-нибудь заводит речь о Бологом. Вот два примера: «Столицу надо перенести в Бологое, как раз между Москвой и Питером. И установить жесткую квоту на количество федеральных министерств и чиновников в новой

²⁶ Интервью с Р.В. Тишковой.

²⁷ Ср. в этой связи следующее рассуждение: «Если же мы в виде той же окружности попытаемся изобразить соотношение столицы и провинции, то центральное положение (не в смысле материальных благ, а в смысле репрезентации сущности) неизбежно будет занимать провинция: она специфичнее и характернее» (Строганов М.В. Провинциальность и смежные категории // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова: Сб. науч. ст. Коломна, 2001. С.194).

²⁸ Литягин А.А., Тарабукина А.В. К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М., СПб., 2000. С. 334–347.

²⁹ Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 102–116, 125–131.

³⁰ Кондаков Б.В. Пермская земля: реальность и мифы // Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли: Матер. «Круглого стола». М., 2000. С. 28–31.

³¹ Литовская М.А. Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Региональные культурные ландшафты: история и современность: Матер. Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2004. С. 32–33.

³² Интервью с Михаилом, ок. 35 лет, род. в Переславле-Залесском, торгует сувенирами.

столице России. Воздух в Москве и Питере сразу станет значительно чище, поскольку люди там займутся делом»; «Тяпун тебе (предложившему перенести столицу в Петербург. – *М.А., М.Л.*) на язык, не дай боже нам стать столицей, не надо мне всех этих прелестей столицы. Предлагаю на роль столицы Бологое (это где-то между Ленинградом и Москвой)»³³.

Мотив переноса столицы в Бологое находит отражение также в текстах религиозных и эзотерических субкультур, и в этих случаях он обретает характер программы или пророчества. Так, советует перенести столицу в Бологое астролог В. Лёдовских³⁴. Пророк религиозного движения «Бажовская академия сокровенных знаний» (бажовцы) В.В. Соболев, предрекая разрушение Москве и Петербургу, возвещает сооружение второй политической столицы под названием Москвопетроград возле Бологого, в то время как основная будет находиться в Константинополе³⁵.

Этот последний факт заслуживает особого комментария. Идея разрушения/гибели в «последние времена» обеих русских столиц и появления новой довольно традиционна в эсхатологическом фольклоре³⁶, однако мотив совмещения двух столиц крайне редок. Возможно, Москвопетроград был заимствован «пророком» Соболевым из «Великой Дивеевской тайны» – эсхатологического текста XIX в., получившего распространение в недавнее время благодаря активной републикации дореволюционной и эмигрантской религиозной литературы³⁷. В источнике Москвопетроград является не будущей столицей России, но местом рождения антихриста (что, впрочем, не отменяет его эсхатологического значения как «великого города») и, разумеется, никак не соотносен с Бологим. Не странно, что в конце XX в. именно Бологое, нагруженное соответствующей пространственной семантикой, оказалось наиболее удобным местом локализации нового центра, совмещающего (или замещающего) одновременно две исторические столицы. Показательно, что в картине, рисуемой Соболевым, Москвопетроград в районе Бологого играет роль границы/центра между двумя столицами не только в пространственном, но и во временном аспекте, яв-

³³ Форум «Русского Журнала» //

<http://www.russ.ru/forums/msg/942/1554.html?920010156>; Форум «Частного Клуба Алекса Экслера» // <http://forum.exler.ru/arc/index.php?s=0&showtopic=47284>.

³⁴ Прогноз опубликован: Известия. 2004. 13 января.

³⁵ Филатов С.Б. Современная Россия и секты // Новое время. 1996. № 8. С. 200–225.

³⁶ См. об этом: Ахметова М.В. Город в современных эсхатологических предсказаниях // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 74–80.

³⁷ Приложение к «Великой Дивеевской тайне»: Из семейного архива Флоренских // Литературная учеба. 1991. № 1. С. 133–134.

ляясь своего рода медиатором между бывшими столицами России и Константинополем, которому, по Соболеву, суждено вновь обрести функцию политического центра христианского мира.

Надо сказать, что и самим жителям Бологоего может быть не чужда мысль об особой роли города в духовном будущем России. Одна из активных прихожанок считает, что поскольку в городе находится недостроенный храм в честь трехсотлетия дома Романовых, общерусское покаяние, а тем более восстановление монархии в России невозможно, пока этот храм не достроен и не освящен. Приведем фрагмент этого интервью:

«— Ну конечно, об этом, о покаянии, всё время говорят. Но, чтобы покаяться, вот, покаяние в Бологое находится.

— В смысле?

— В смысле — храм трёхсотлетия дому Романовых <...> Вера без дел мертва, вера без дел мертва. Вот, покаяние — мы возвращаем сначала вот этот храм, да? Прикладываем свои руки. А потом мы, значит, мы уже начинаем, как, какое там покаяние пойдёт — это уж священники нам скажут. Вот, ну, возвратим мы то, что было, царю. Для царя это построено <...>

— А говорят, что уже скоро монархия будет и что царь, который взойдет на престол, уже есть, и где-то в народе?

— Нет, такого я не слышала. Еще место ему не готово. Да сначала мы должны царя в его храм ввести <...> Ну, мы хотя бы его династию, царской, трехсотлетия, храм построен. В России же этого не было. Это же монастырь устроил, в связи с празднованием рождения наследника. И бологовские жители, вот, подарили землю для такого события. Так как же так? А храм не будет готов. Господь медлит. Пусть там и ждут царя, а Господь медлит. Он скажет: “Нет, а вот...” Ему всё видно свысока: какой им царь, когда вот, царский храм — там, вот, колотят, машины гудят? (в здании храма расположена авторемонтная мастерская. — *М.А., М.Л.*). Нет, Россия не готова»³⁸.

Итак, Бологое — город «меж двух столиц» — предстает то центром страны, то провинциальным захолустьем, то границей, разделяющей сферы влияния Москвы и Петербурга. В целом очевидно (и мы это старались по возможности проиллюстрировать), что «бологовский текст» использует те же модели, что и современный «провинциальный текст» в широком смысле, и во многих конкретных моментах он сопоставим с другими «локальными текстами». В этом смысле город

³⁸ Интервью с В.Ф. Мартыновой, 1931 г. р. образование среднее, работала воспитателем в детском саду.

Бологое предстает традиционным, а в каком-то смысле даже идеальным провинциальным локусом. С другой стороны, такие факторы, как расположение города на середине пути из Москвы в Петербург и его историческая связь с железной дорогой обусловили некоторое своеобразие воплощения ряда общих мотивов. Это предопределило не только особое место Бологое в культурном ландшафте России, но также определенную специфику локального самосознания и, соответственно, стереотипию моделей и форм самоописания.